

будущие либералы и кое-кто из будущих охранителей самодержавия.

Пора отбросить либеральную легенду, опровергнутую еще Добролюбовым, будто Белинский стал «учеником» в этом кружке.

Белинский пришел в этот кружок, имея за плечами антикрепостническую драму «Дмитрий Калинин», написанную под философским и литературным влиянием прежде всего книги Радищева и ходившего в бесцензурных списках «Горя от ума».

В идейном багаже гениального сына уездного лекаря из Чембара были Ломоносов, Радищев, Пушкин, декабристы, французские философы-просветители и вся русская литература.

Белинский проходил свой самостоятельный, порожденный реальными русскими условиями — и потому не похожий ни на немецкий, ни на французский, ни на какой другой — путь философского развития.

Это был путь искания прогрессивной теории, способной объяснить и помочь решить проклятые противоречия русской жизни. Это был путь от идеализма к материализму и от метафизического до диалектического взгляда на явления.

В литературной деятельности Белинского примерно до середины сороковых годов основа его философских воззрений оставалась идеалистической, а последние четыре или пять наиболее плодотворных лет эта основа стала материалистической. Переход произошел не сразу. С самого начала этого пути так называемый «стихийный» или «стихийный», а с начала сороковых годов все более осознающий себя материалист Белинский бунтует против идеалиста Белинского, бунтует все упорнее и, наконец, побеждает идеалиста.

Если бы этого не было в развитии Белинского, как возможна была бы глубокая жизненность, не потерявшая во многом своей силы и до сих пор, большинства его произведений, написанных до того, как он стал последовательным материалистом.

В статьях о Пушкине (1843—46 гг.) и именно не в первых, а в последних совершается вполне сознательный переход на позиции материализма.

До конца его дней это был лучший период литературной деятельности Белинского. Этот период был одновременно самым ярким и последовательным в революционно-демократической деятельности Белинского.

Таким образом, Белинский прошел путь от идеализма к материализму, путь, пролепанный на самых кровотокающих жизненных вопросах общественной борьбы, путь, свидетельствующий о самостоятельном и поистине гениальном уме Белинского.

Что касается «диалектики», то, вопреки утверждениям Плеханова, она не только не

была отброшена Белинским в последний период, а наоборот: она помогла ему сформулировать самые блестящие из своих выводов в области общественной борьбы и литературы, как это можно видеть на «Письме Белинского к Гоголю» и на статье «Взгляд на русскую литературу 1847 года».

В своем материализме, особенно последних лет, Белинский оставил далеко позади себя не только буржуазных позитивистов типа Конта, он находился и на значительно более передовых позициях, чем Фейербах. Белинский был воинствующим атеистом и ресь — в политике.

В лице Белинского мировая философская наука имеет дело с крупнейшим явлением, корифеем русской материалистической философии, поднявшейся на наивысшие до Маркса философские вершины.

* * *

Общественно-литературную деятельность Белинского современная советская наука делит чаще всего на два периода — демократически просветительский, длившийся примерно до 1839 года, и революционно-демократический, примерно с начала сороковых годов и до конца жизни Белинского.

Первый — когда он будто бы не признавал насильственного изменения крепостнического строя, а пытался воздействовать на всех, в том числе и на крепостников, пропагандой своих демократических взглядов, пока не дошел до «примирения с гнусной действительностью». Второй — когда он со всей решительностью разделился со своим примирением и присоединил к пропаганде своих демократических и уже социалистических взглядов признание необходимости народной революционной борьбы за ликвидацию крепостничества, самодержавия и осуществление социализма в его понимании.

Это не вполне точно. Самое главное в том, что Белинский всегда был антикрепостником.

И признавал он возможность насильственного вмешательства в «гнусную действительность» не со второй половины сознательной жизни, а с юности, со времени написания антикрепостнической драмы «Дмитрий Калинин».

Из сопоставления опыта России с опытом западноевропейских стран Белинский приходил к предположению, что Россия тоже должна пройти путь капиталистического развития.

Но из опыта тех же западноевропейских стран и Соединенных Штатов Америки он видел большую разницу, если употребить его выражение, между «буржуазии в борьбе» и «буржуазии торжествующей». В своих статьях и письмах Белинский блестяще вскрыл не только угнетательский по

отношению к народу характер буржуазной власти, но и способность капиталистов продавать свое отечество в корыстных классовых целях. «Владычество капиталистов покрыло современную Францию вечным позором, — писал он в 1847 году, — напоминая времена регентства, управление Дюбуа, продававшего Францию Англии... Все... мелко, ничтожно, противоречиво; нет чувства национальной чести, национальной гордости...» Можно подумать, что Белинский заглянул в сегодняшний день.

Поскольку Белинский не мог подняться до понимания классовой борьбы, как движущей силы развития общества, и роли пролетариата, его представления о развитии общества не могли быть до конца последовательными.

Но, когда в конце сороковых годов под влиянием крестьянских бунтов началось некое движение в правительстве, Белинский понял самое существо дела: «Правительство не хочет дать свободу крестьянам без земли, боясь пролетариата, и в то же время не хочет, чтобы дворянство осталось без земли, хотя бы и при деньгах».

Революционный демократизм Белинского не может быть рассмотрен отдельно от его патриотизма, ибо они слиты воедино и питают друг друга.

Можно сказать, что Белинский принадлежит к тем исключительным людям прошлого, характер патриотизма которых наиболее близок нашему пониманию и нашему сердцу.

По Белинскому, каждый народ может совершить свой вклад в развитие человечества не иначе, как в национальной форме. И сколько замечательных черт русского национального характера помогла открыть Белинскому кровная любовь «к плодотворному зерну русской жизни»!

Народность, как ее понимал Белинский, была в его устах самой высокой оценкой исторического деятеля, писателя, артиста. Народный для Белинского одновременно значило и национальный. Белинский видел в народе носителя лучших черт нации. Вичужемые им черты рабщины перед иностранцами свойственны были людям, сидящим на шее народа.

Это в адрес этих господ, — с гордостью за лучшие творения русской литературы, вырастающие на глазах его, — бросал упрек Белинский: «Было время, когда на Руси никто не хотел верить, чтоб русский ум, русский язык могли на что-нибудь годиться; всякая иностранная дрянь легко шла за гениальность на святой Руси, а свое русское, хотя бы и отличное высокою даровитостию, презиралось за то только, что оно русское». Но прогрессивность понимания Белинским народного и нацио-

нального состояла в том, что оно включало передовое просвещение (с его всемирным опытом), и в этом было глубокое принципиальное отличие его от лицемерия «славянофилов».

Белинский раньше и лучше всех в прошлом понял всю прогрессивность того факта, что русская нация так рано создала национальное государство, что означало силу русской нации.

Он же первый объяснил многие черты реакционной отсталости немцев их затянувшейся феодальной раздробленностью. Именно это понимание роли государства все время толкало его к мысли о необходимости разубить противоречие между величием русской нации и ее противонародным и косным правительством.

Белинский глубже, чем кто бы то ни было до него, понял в истории России ее прогрессивные моменты: значение победы над тевтонскими рыцарями, освобождение от татарского ига и польской интервенции, а особенно значение Отечественной войны 1812 года, и он восславил таких деятелей в прошлом России, как Александр Невский, Дмитрий Донской, Минин и Пожарский, Кутузов.

Он понял прогрессивную роль Ивана Грозного в создании русского государства, а особенно роль Петра Великого. Но поразительный демократизм Белинского позволил ему подметить и отрицательную сторону петровской реформы: по мнению Белинского, реформа породила и обезличивание у заграницы, породила потому, что была произведена только «сверху».

Известны высказывания его о том, что Россия сумеет лучше разрешить социальный вопрос и будет давать законы науке и искусству, принимая «благотворную дань уважения от всего просвещенного человечества». Эти высказывания не были только пророчеством, они имели для Белинского свое историческое обоснование.

В лице Белинского в условиях крепостной России был загнан в гроб крупнейший государственный деятель нового демократического типа.

Только в нашем советском патриотизме навсегда исчезли противоречия, мучившие Белинского. Ибо слились воедино народ и его социалистическое государство. И вся деятельность народа, руководимого великой партией большевиков, деятельность, направленная на укрепление социалистического государства, стала выражением всемирно-исторической задачи освобождения человечества.

* * *

Белинского смело можно назвать основоположником эстетики классического реализма, самые существенные стороны которой

марксистско-ленинская наука о литературе вобрала в себя и развила на новой основе.

С самого начала и до конца своей литературной деятельности Белинский все более сознательно отстаивал ту точку зрения, что литература — продукт общества, отражает и выражает развитие общества. Это первое положение его эстетики.

С самого начала и до конца своей деятельности Белинский стоит на точке зрения общественного значения литературы, ее влияния на общество; ее воспитательной роли, а во второй, наиболее плодотворной половине своей деятельности открыто признает литературу оружием в общественной борьбе. Это — второе положение его эстетики.

«Начиная с Белинского, — говорил товарищ Жданов, — все лучшие представители революционно-демократической русской интеллигенции не признавали так называемого «чистого искусства», «искусства для искусства» и были глашатаями искусства для народа, его высокой идейности и общественного значения».

Этот взгляд Белинского на искусство помогал ему разбираться в том, какую роль играет писатель, даже отдельные произведения, в жизни — прогрессивную или реакционную, за кого и против кого оно направлено.

Он восславил Гоголя — критического реалиста, и он же осудил те из его повестей (после «Вечеров на хуторе близ Дикавки»), где проявился Гоголь — болезненный фантаст и мистик.

Он в первых же произведениях Достоевского, написанных после «Бедных людей», почувствовал идейную фальшь и подверг их беспощадной критике.

Особенность этой критики состояла в том, что Белинский проверял произведения Гоголя и Достоевского жизнью и прежде всего вскрывал несоответствие произведений жизни, искажение жизни.

Соответствие изображаемого жизни, правдивость изображения жизни — таков был третий принцип реалистической эстетики Белинского.

Белинский видел реализм не в копировании того, что попадет под руку, а в отражении существенного, типичного, в свете идеи, которую это типичное должно выражать.

Белинский делал четвертый вывод: что содержание в искусстве — главное. «Содержание дает поэту жизнь его народа». «Только содержание, а не язык, не слог может спасти от забвения писателя».

Рассматривая жизнь в развитии, он в вопросе о содержании искусства придавал особенное значение современности. Нет почти ни одной его критической работы, где бы он не говорил о современности. «Волтер прав, сказав, что все роды поэзии хоро-

ши, кроме скучного... и несовременного, прибавим мы». Несовременность была для Белинского выражением отсталости, проявлением не только отсутствия чувства нового, но и нежелания бороться со старым.

Над писателями, у которых «мыслию управляют слова, а не мысли словами», он издевался немало: «...В его писании есть какая-то оригинальность, какой-то блеск выражения. Но это оригинальность искусственная, это блеск фольги... Все у него так кудряво, во всем такое изобилие эпитетов, амплификаций, что неопытный читатель дивится... этим разноцветным и блестящим переживаниям слога, — и его очарование только тогда исчезнет, когда... он замечает, к удивлению своему, только одно пухлое самодушие и одни пухлые слова и фразы. Это особенно часто является на Западе, особенно с тех пор, как Запад начал гнать...»

Можно подумать, что Белинский поистине глядел в сегодняшний день!

Соответствие формы содержанию было пятым положением реалистической эстетики Белинского. Поскольку форма, по Белинскому, определяется содержанием, он оценил все многообразие форм, привносимых каждым художником, и всегда приводил анализ произведения до конкретного, даже мельчайшего разбора формы — того индивидуального и нового, что характеризует именно данного художника.

Мимо внимания Белинского не прошли ни большие явления — Державин, Крылов, Грибоедов, Пушкин, Лермонтов, Гоголь, Тургенев, Гончаров, Некрасов, — ни средние, ни малые явления литературы. Он писал не о том, о чем хочется написать, как это большей частью принято сейчас у наших критиков-сибиритов, а обо всем, как хозяин, рассчитывая с помощью литературы и через нее путь для лучшего будущего народа.

Из всех литературных критиков прошлого Белинский ближе всех стоит к нашему пониманию того, каким должен быть литературный критик, и до сих пор может служить нам образцом.

Из всех деятелей прошлого — до революционеров-марксистов — Белинский наряду с Чернышевским по принципам своим и по характеру больше всего отвечает духу нашего времени, времени Ленина — Сталина.

И столько любви к нашей Родине, к народу, столько душевной силы и крови сердца вложил он в свои великие творения, — что, можно не сомневаться, они будут жить и при коммунизме, который мы строим и построим под водительством Сталина — нашего Вождя и учителя.

А. ФАДЕЕВ.